

РУССКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII вв. В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ

Русская дореволюционная и советская историография имеет бесспорный приоритет в деле изучения русско-иранских отношений XVII — первой половины XVIII в. Крупнейший представитель дореволюционной исторической науки С. М. Соловьев в «Истории России» уделил большое внимание взаимоотношениям России со странами Востока, в том числе и с Ираном. Отношениям Московской Руси с Ираном посвящена специальная работа А. Я. Шпаковского¹. В советской историографии получил более глубокое освещение ряд отдельных, конкретных вопросов этой проблемы. Им посвящены работы Е. С. Зевакина, В. П. Лысцова, Н. Г. Кукановой² и других историков; так

или иначе связаны с этой темой исследования советских армянских историков — П. Т. Арутюняна, В. Восканяна³ и других. Именно наши архивы содержат наиболее богатый и ценный материал по истории русско-иранских отношений в рассматриваемый период; издан он лишь частично⁴. По некоторым вопросам этот материал может быть дополнен сведениями, сообщае-

³ П. Т. Арутюнян. Освободительное движение армянского народа в 1-й четверти XVIII века. М., 1954; В. Восканян. Русско-армянские отношения в XVII в. «Известия АН Армянской ССР», 1948, № 1, стр. 53—77.

⁴ Прежде всего следует упомянуть публикации: Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией, тт. 1—3, СПб., 1890—1898; Г. А. Эзов. Сношения Петра Великого с армянским народом, СПб., 1898; «Армяно-русские отношения 17 в. Сборник документов». Ереван, 1953; «Извлечения из дневника русского посланника А. П. Волынского, изданные Е. С. Зевакиным». «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1929, № 8, вып. 4, стр. 6—23.

¹ С. М. Соловьев. История России, кн. 3, т. XII, стр. 555—569; кн. 4, т. XVIII, стр. 641—706; А. Я. Шпаковский. Торговля Московской Руси с Персией в XVI—XVII вв., Киев, 1915.

² Е. С. Зевакин. Азербайджан в начале XVIII в., Баку, 1929; Его же. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях. «Исторические записки», т. 8, 1940, стр. 129—161; В. П. Лысцов. Персидский поход Петра I, М., 1951; Н. Г. Куканова. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII — начале XVIII вв. «Исторические записки», т. 57, 1956, стр. 232—254.

мыми западноевропейскими⁵ и восточными⁶ источниками. Однако последние, к сожалению, совершенно игнорируются нашими историками, хотя содержащиеся в них данные могут иногда способствовать более точному толкованию отдельных вопросов и, что особенно важно, помочь лучше представить позицию Ирана при разрешении проблем, входивших в круг русско-иранских отношений. Приведем конкретный пример. Одна из статей Е. С. Зевакина посвящена русско-иранскому конфликту в середине XVII в.⁷ Речь идет о разрушении ширванским беглярбеком (правитель провинции) Хосров-ханом русских городков на Северном Кавказе. По этому поводу были начаты переговоры между царским и шахским правительством. Последнее, не желая, очевидно, еще более обострить отношения со своим северным соседом, решило выставить Хосров-хана в качестве единственного виновника конфликта. В работе Е. С. Зевакина, основывавшего свои выводы только на русских данных, вопрос о том, по чьему почину были разрушены русские городки, остался невыясненным. Между тем важно определить, выступал ли в данном случае беглярбек по приказу шаха или же он сам осмелился на такой шаг. Если верно последнее предположение, то бесполезно говорить о какой-либо централизации в Сефевидском Иране середины XVII в.; если же Хосров-хан исполнял приказ шаха, то это событие не было случайным эпизодом, а являлось обдуманым шагом шахского правительства, опасавшегося дальнейшего продвижения России на Кавказ. Иранские источники XVII в. дают достаточное количество фактов в подтверждение того, что в этот период почти все местные правители в Иране сменялись очень легко и часто; причем беглярбеков Ширвана сменяли едва ли не чаще других.

Интересные сведения сообщает современник рассматриваемого конфликта иранский историк и видный политический деятель

⁵ Некоторые сведения о русско-иранских отношениях сообщают такие европейские путешественники, как С. Какаш и Г. Тектандер, А. Олеарий, Ж. Шарден, Д. Ханвей и другие. Из зарубежных публикаций документов упомянем новейший сборник «Diplomacy in the Near and Middle East, A Documentary Record», v. 1 (1535—1914), ed. by J. H. Newitz, London—New York, 1956.

⁶ Сведения о русско-иранских отношениях имеются в сочинениях: Искандер-бек туркман Мунши. Тарих-е алем ара-йе Аббаси, литограф. изд. перс. текста, Тегеран, 1314 г.х. (1897—1898 гг.), напр., стр. 66; «Зейл-е тарих-е алем ара-йе Аббаси», Тегеран, 1939, стр. 96, 247; Мухаммед Тахир Вахид, Аббас-наме, Арак, 1951, стр. 54, 159—161, 172—176, 248, 308; Мухаммед Казим. Тарих-е алем ара-йе Надири, Институт востоковедения АН СССР, отдел рукописей, д. 430, т. 2, л. 14; т. 3, лл. 159, 165 и др.

⁷ Е. С. Зевакин. Конфликт России с Персией в середине 17 столетия. «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1929, № 8, вып. 4, стр. 24—31.

Мухаммед Тахир Вахид⁸. Он прямо говорит, что после постройки вышеупомянутых городков был издан указ шаха Аббаса II о том, чтобы хакимы (местные правители) Чохур-Са'ада (Ереванской области), Карабаха, Ардебилы, Астары и других районов Азербайджана собрались со своими ополчениями к беглярбеку Ширвана Хосров-хану. Все они выполнили приказ. Кроме того, под начальство Хосров-хана стали: правитель Дербента, Сурхай-хан шамхал — хаким Дагестана, Аббас-кули-хан усмий и другие феодалы Дагестана. Собранное войско направилось к русским городкам и разрушило их⁹.

Вопрос о русско-иранских отношениях затрагивался многими представителями зарубежной историографии. Уже после распада Сефевидской державы в Иране (20-е годы XVIII в.) в Западной Европе появились сочинения об Иране, авторы которых (в ряде случаев сами побывавшие в этой стране, или же основываясь на сообщениях других лиц — путешественников, дипломатов, миссионеров) упоминали и о русско-иранских отношениях в первой половине XVIII в.¹⁰ В начале XIX в. этой проблемы касались английский историк Д. Малькольм и немецкий историк И. Хаммер¹¹. Оба эти автора пользовались восточными источниками (первый персидскими, второй турецкими), но при освещении русско-иранских отношений они исходили, главным образом, из данных западноевропейских путешественников первой половины XVIII в. (Д. Ханвея, И. Ф. Крушинского и др.).

В настоящей статье рассматриваются работы современных зарубежных буржуазных историков, касающиеся русско-иранских отношений в XVII — первой половине XVIII в. В то же время дается характеристика ряда более старых работ (П. Сайкса, Г. Юбербергера, Э. Дрию), являющихся и в настоящее время с точки зрения буржуазной историографии актуальными.

Современные реакционные буржуазные историки стремятся поставить вопрос о русско-иранских отношениях на службу своим хозяевам-империалистам, пытаются представить восточную политику Советского Союза (сущность которой они совершенно извра-

⁸ См. о нем И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в 16 — начале 19 вв. Л., 1949, стр. 37.

⁹ Мухаммед Тахир Вахид. Аббас-наме, стр. 160.

¹⁰ Pithander. Herkunft, Leben und Thaten des persianischen Monarchen Schah-Nadyr, Leipzig, 1738; Du Cerceau. Histoire des revolutions de Perse, t. I—II, Paris, 1729—1742; A. Claustré. Histoire de Thomas-Kouli-Khan, roi de Perse, Paris, 1743; J. Fraser. The History of Nadyr-Shah, London, 1742.

¹¹ J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reichs, Pest, 1835, Bd. 4, S. 206—214; J. Malcolm. The History of Persia. London, 1815, v. 1, p. 536, 604—605; v. II, p. 4—5 и др. Работа Малькольма была переведена еще в прошлом веке на персидский язык; см. Д. Малькольм. Книга-е тарих-е Иран. Бомбей, 1886.

щают) непосредственным продолжением колониальной политики царской России. Например, французский историк Лакост прямо заявляет, что «Россия, царская или советская, всегда была охвачена мечтой о всемирной империи»¹². Приблизительно то же утверждает и американский историк Вукинич¹³. Конечно, за доказательствами подобные авторы не гонятся, а обходятся голословными утверждениями и искажением фактов. Раз объявив внешней политике Советского Союза продолжением внешней политики царской России, они всеми путями стараются доказать якобы исконную агрессивность России в отношении стран Востока и, в частности, Ирана. Особый подъем захватнических устремлений России эти авторы видят во внешней политике Петра I. До последнего времени в зарубежной историографии имеет хождение легенда о так называемом «Завещании Петра Великого», которая используется для «подтверждения» «плановой» агрессивности России¹⁴. На этой фальшивке построен миф о русской агрессии против Индии через Иран.

В связи с последними событиями (срывом иранским правительством советско-иранских переговоров о заключении договора о дружбе и ненападении в январе — феврале 1959 г.) реакционная зарубежная печать вновь делает попытки отождествить политику Советского Союза в отношении Ирана и других восточных стран с колониальной политикой царской России¹⁵.

Источникведческая база работ западных историков о русско-иранских отношениях XVII — первой половины XVIII в., как правило, невелика и не всегда доброкачественна; в основном они пользуются европейскими источниками XVII—XVIII вв. и лишь немногие — русскими дореволюционными и советскими публикациями и исследованиями.

Английские историки намеренно подчеркивают агрессивность царской России по отношению к Ирану, стремясь таким путем оправдать действия английских капиталистов и обелить британский колониализм. Поэтому Англию они изображают исконным другом Ирана, якобы всегда защищавшим его от всех врагов, среди которых первое место они отводят России. «Теория русской агрессии» в прошлом веке получила отражение в ряде книг, где делались попытки обосновать ее. Так, вскоре после обостре-

ния англо-русских отношений в связи с Унклар-Искелесским договором (1833 г.) в Англии появилась книга Д. Уркварта «Прогресс и современная позиция России на Востоке», уже в 1836 г. переведенная на французский язык. Автор поставил перед собой две основные задачи: во-первых, доказать исконную агрессивность России на Востоке и, во-вторых, выставить Англию в качестве великодушного защитника интересов Ирана и Турции против «агрессора» — России¹⁶. И в дальнейшем, всякий раз, когда отношения между Россией и Англией обострялись, такого рода тезисы вновь ожидали в английской литературе.

Характерным для английской историографии является изложение русско-иранских отношений в популярной за рубежом книге П. Сайкса «История Персии», третье издание которой вышло в Лондоне в 1951 г., в 1944 она была переведена на персидский язык¹⁷. На невысокий научный уровень этой книги справедливо указал в свое время академик В. В. Бартольд¹⁸.

Сайкс — не просто историк. Это видный деятель английского колониализма первой четверти нашего века, и книгу свою он написал с целью реабилитации деятельности англичан в Иране, преподносимой в качестве образца бескорыстной помощи этой стране.

Сайкс не признает, что между Россией и Ираном существовали какие-либо отношения до 60-х годов XVII в., хотя и упоминает, что англичанин Дженкинсон имел в XVI в. поручения от Ивана Грозного в Иран. По Сайксу выходит, что не англичане в XVI в. настойчиво стремились проникнуть на Восток через Россию, а русские никак не могли без их помощи установить отношения с Ираном¹⁹.

Первое русское посольство в Иране Сайкс относит лишь к 1664 г. Весь рассказ об этом посольстве заимствован у известного французского путешественника XVII в. Шардена. Однако заимствование это сделано Сайксом с некоторыми сокращениями и добавлениями в полном соответствии с его общей концепцией. Целесообразно изложить в основных чертах рассказ Шардена, поскольку он приводится и большинством современных иранских историков. Прежде всего Шарден говорит не о первом русском посольстве, а конкретно о посольстве 1664 г. Согласно его рассказу, в этом году в Иран прибыли два русских посла со свитой в 300 человек. Целью посольства являлось получение торговых привилегий, однако посольство своей цели не достигло — один из послов умер, другой же «уехал без всякой чести». «Великий князь», как называет Шарден русского царя, был очень разгневан таким непочтительным отношением к своим послам, затаял обиду

¹² R. Lacoste. La Russie soviétique et la Question d'Orient, Paris, 1946, p. 11.

¹³ A. Vucinich. Russia and the Near and Middle East. «Current History», v. 28, № 162, February 1955, p. 84.

¹⁴ В нашей исторической литературе это измышление наиболее полно разработано в работе Е. Н. Даниловой ««Завещание» Петра Великого» («Труды Историко-архивного института», т. 2, 1946, стр. 205—270); однако автору свойственна некоторая идеализация внешней политики Петра.

¹⁵ См., напр., «The Round Table», March 1959, № 194, p. 122, 127—128. В иранской газете «Эттелаат» за 13 апреля 1959 г. повторяется нелепое утверждение о том, что Петр I завещал своим преемникам завоевать Иран.

¹⁶ «Progrès et position actuelle de la Russie en Orient», Paris, 1836, p. 5—12, 221.

¹⁷ P. Sykes. History of Persia, London, 1951 (пер. с перс. «Тарих-е Иран», Тегеран, 1944).

¹⁸ См. рец. В. В. Бартольда в «Известиях русского географического общества», 1917, № 53, стр. 182—187.

¹⁹ P. Sykes. Указ. соч., v. II, p. 166—169.

и после смерти Абасса II подговорил казаков совершить поход на Иран. В количестве 6000 человек на 40 судах они напали на город Решт в Гиляне, разграбили его и вслед затем послали гондов к шаху Сулейману с просьбой принять их в иранское подданство. Шах собрал совет, но в это время прибыл русский посол с просьбой не принимать казаков в иранское подданство, ссылаясь на то, что они де беглые подданные русского царя и бунтовщики. Казаки тем временем разграбили Феррахабат — резиденцию шаха в Мазендеране. На этом и кончается описание Шардена²⁰. Речь идет о Каспийском походе Разина. Откуда Шарден почерпнул сведения о том, что казаков послал царь, сказать трудно, но именно это необоснованное утверждение о посылке казаков русским правительством тщательно подчеркивается Сайксом, хотя в то же время он замалчивает, что в связи с набегом казаков на Иранское побережье было отправлено русское посольство в Исфаган. Сайкс заявляет: «Этот набег был первым актом русской агрессии против Персии»²¹. Обращаясь к первой четверти XVIII в., Сайкс выделяет два явления: с одной стороны, ослабление Сефевидского Ирана, с другой — усиление России. И если, по его утверждению, царь Алексей Михайлович боялся Ирана и потому ничего лучшего, чем послать казаков для грабежа, при всей своей обиде придумать не сумел, то Петр I был и посильней и поумней. С целью выяснения обстановки в Иране он последовательно посылал туда сначала «авантюриста» И. Ори, а затем «талантливого» Вольнского. Узнав таким путем о слабости Ирана, Петр якобы быстро нашел и предлог для вторжения, а именно ограбление и убийство русских купцов в Шемахе и Хиве²². В Исфагане вновь появилось русское посольство с требованием возмещения убытков. В это время там сидел уже афганский шах Махмуд, слабо разбиравшийся в дипломатии и потому заявивший, что он не властен ни над лезгинями (ограбившими Шемаху), ни над узбеками («факт, сам по себе разумеющийся», — добавляет Сайкс). Петру будто бы только это и нужно было, и вторжение русских в Иран состоялось. Однако, рассуждает далее Сайкс, поскольку своими силами Петру не удалось добиться желаемых результатов, он договорился с Турцией о «расчленении» Ирана. Только Надир-шах явился, по мнению Сайкса, избавителем Ирана от русской, турецкой и афганской агрессии.

С целью подкрепления своих суждений Сайкс приводит выдержки из пресловутого «Завещания Петра Великого», а затем и полностью дает один из вариантов его текста. Желая еще больше опорочить Россию, Сайкс приписывает Петру мнение о

неспособности русских купцов организовать своими силами торговлю с Ираном и желание осуществлять ее через посредство англичан²³.

С Сайксом перекликаются и другие авторы. Например, английский историк Аллен, американские историки Вукинич и Коларц говорят о непрерывной и растущей русской агрессии против Ирана. Никаких мирных, дружественных связей между Россией и Ираном эти авторы не признают. Соответствующим образом подбирая и обрабатывая материал, они создают в корне извращенную концепцию взаимоотношений России и Ирана в XVII в.; в значительной степени искаженно освещаются ими и русско-иранские отношения в первой половине XVIII в.²⁴.

Особое положение в английской историографии русско-иранских отношений XVII — первой половины XVIII вв. занимает новейшая работа Л. Локкарта «Падение Сефевидской династии и афганская оккупация Персии»²⁵. По существу, Локкарт в этой работе сделал первую попытку научного изучения данной проблемы. Он не только привлек большое количество опубликованных западноевропейских и русских первоисточников, но использовал и английские и французские архивные материалы. В подборе и использовании источников видно стремление критически их сравнить и установить между ними взаимосвязь.

К сожалению, русские источники и исследования использованы Локкартом лишь для первой половины XVIII в., тогда как работы о русско-иранских отношениях в XVII в., основанные на русских архивных материалах, не были им привлечены²⁶. Поэтому весь этот раздел базируется на рассказе Шардена о русском посольстве 1664 г.²⁷. Не учтены, как это ни странно,

²³ P. Sykes. Указ. соч., стр. 244—246, 269.

²⁴ См. W. E. Allen. *Caucasian Battlefield*. Cambridge, 1953, p. 10; A. Vucinich. Указ. соч., стр. 84; W. Kolarz. *Russia and Her Colonies*. New York, 1952, p. 2—4, 209, 212—214, 224. Автор последней книги даже торговый договор 1667 г. между Россией и армянами Новой Джульфы (предместье Исфагана, тогдашней столицы Ирана) объявил звеном агрессивной политики России на Востоке. Эта агрессивность, по его мнению, исходит из двух начал: от верхов — русских царей и низов — русских казаков. Поэтому первым русским завоевателем Баку объявлен С. Разин, а вторым — Петр I. См. W. Kolarz. Указ. соч., стр. 4, 213, 237.

²⁵ L. Lockhart. *The Fall of the Safavi Dynasty and the Afghan Occupation of Persia*. Cambridge, 1958. Русско-иранские отношения затронуты Локкартом и в его старой монографии «Nadir-Shah» (London, 1938); однако, поскольку в новой его книге они разобраны несравненно основательнее, то мы остановимся лишь на ней.

²⁶ Напр., вышеупомянутые работы Е. С. Зевакина и Н. Г. Кукановой.

²⁷ L. Lockhart. Указ. соч., стр. 57—58.

²⁰ J. Chardin. *Voyages en Perse et autres lieux*, Paris, 1811, t. 10, p. 112—119, 134—139.

²¹ P. Sykes. Указ. соч., т. II, p. 212.

²² Кстати, в Хиве в 1717 г. был вырезан отряд кн. Бековича-Черкасского, а не купцы.

и данные персидских первоисточников по этому вопросу, хотя в других разделах книги они широко использованы²⁸.

Русско-иранским отношениям посвящена значительная часть монографии Локкарта (главы 5, 9, 15, 17, 18, 21, 27, 28). Анализ их Локкарт начинает с середины XVI в., то есть со времени присоединения Астрахани к России; наряду с этим важнейшей предпосылкой для развития русско-иранских отношений он считает появление казачьих поселений на Тереке. Вместе с тем странным и необоснованным является утверждение Локкарта о том, что будто бы «до самого царствования Петра Великого (1682—1725) Россия казалась правителям Персии относительно отдаленной и не слишком значительной нацией»²⁹. Такое утверждение опровергается персидскими и западноевропейскими источниками XVII в. В частности, упомянутый Мухаммед Тахир Вахид отмечал наличие длительных и прочных дружественных отношений между русским и иранским дворами³⁰. Французский же путешественник XVII в. Шарден, рассказывая об одном из своих разговоров с этемад-эд-доуле (первым министром шаха), приводит следующее любопытное высказывание последнего: «Московия (Россия — А. Н.) является нашим соседом и другом, и между нами с древних времен установилась торговля; почти ежегодно мы обмениваемся послами»³¹.

Локкарт рассматривает как политические, дипломатические связи Сефевидов с Русским государством в XVII в., так и их экономические, торговые отношения. При характеристике первых особое внимание обращено на грузинский вопрос в русско-иранских отношениях³². В то же время ряд других важных моментов в русско-иранских взаимоотношениях (например, вопрос о союзе против Турции в XVII в.) в работе совершенно не затронут.

При характеристике русско-иранской торговли отмечается роль армянского купечества, в руках которого в основном находилась внешняя торговля Ирана, указаны некоторые статьи торговли, но в целом этот обзор весьма схематичен и краток³³. Наибольшее место в монографии Локкарта занимают русско-иранские отношения с кон-

ца XVII до конца первой трети XVIII в. Любопытно данные о русском посольстве в Иран в 1697 г., заимствованные Локкартом из одного малоизвестного западноевропейского источника, относящегося к тому времени³⁴. Насколько известно, в дореволюционной русской и советской литературе об этом посольстве не упоминалось, и Локкарт ставит вопрос о том, что «было бы интересно узнать, имеются ли какие-либо подтверждения этого инцидента в московских архивах»³⁵.

Дальнейшую историю русско-иранских отношений в книге Локкарта можно разделить на две части: первая охватывает период от начала XVIII столетия до смерти Петра I и вторая — до завоевания Ираном Прикаспийских провинций при Надир-шахе (1735 г.). Первый период справедливо рассматривается как эпоха постулатального движения на Восток поднявшейся в результате преобразований Петра новой империи. С самого начала XVIII в. в течение 20 лет Петр вел подготовку к экспансии на Востоке, выразившуюся в создании флота на Каспийском море, в поисках союзников на Кавказе и в Закавказье (армянское духовенство и купечество, Вахтанг VI грузинский, шамхал Дагестана) и в дипломатической разведке в Иране (посольства А. Вольнского и И. Ори)³⁶. И лишь после всего этого и после окончания Северной войны была сделана попытка активного продвижения в Иран. Излагая в целом правильно ход событий и справедливо характеризуя ряд явлений (в частности, посольство А. Вольнского, договор 1723 г. между Россией и Турцией о разделе северных областей распавшегося Сефевидского государства и др.)³⁷, Локкарт неправильно оценивает бакинский заговор 1723 г., а также стремится обелить близорукую и недальновидную политику шаха Тахмаспа I и его дипломатов³⁸.

Несмотря на то, что Локкарт использовал ряд советских исследований по истории этого периода³⁹, он тем не менее обошел в сущности такой важный вопрос, как борьба народов Закавказья против турецких и кызылбашских феодалов в первой трети

³⁴ Gandereau Abbé M a r t i n. Relation d'un Mission faite nouvellement par Monseigneur l'Archevesque d'Ancyre à Isfahan en Perse pour la Reunion des Armeniens à l'Eglise Catholique. Paris, 1702, p. 21—22.

Согласно этому источнику, русский посол, прибывший в Иран в 1697 г., был арестован за отказ выполнить предложенные ему обряды и пробыл в заключении до начала лета 1699 г.

³⁵ L. Lockhart. Указ. соч., стр. 61.

³⁶ Там же, стр. 63, 65, 103, 108, 176.

³⁷ Там же, стр. 103, 108, 247—248. Интересно, что Локкарт в отличие от большинства зарубежных авторов считает подложным пресловутое «Завещание» Петра I (стр. 104).

³⁸ Там же, стр. 247—249.

³⁹ Напр., вышеуказанные работы П. Т. Арутюняна, В. П. Лысцова.

²⁸ Локкарт — один из крупнейших знатоков персидских источников. Насколько нам известно, он единственный из иностранных ученых, знающий и использующий монументальный источник по истории Ирана и сопредельных стран — «Тарих-е алем ара-йе Надири» Мухаммед Казима.

²⁹ L. Lockhart. Указ. соч., стр. 55.

³⁰ Мухаммед Тахир Вахид. Указ. соч., стр. 308.

³¹ J. Chardin. Указ. соч., v. III, p. 174—175.

³² L. Lockhart. Указ. соч., стр. 57. Это объясняется, очевидно, характером использованных Л. Локкартом материалов, в частности привлечением данных из работ американского историка Д. М. Лэнга, посвященных Грузии.

³³ L. Lockhart. Указ. соч., стр. 58.

XVIII в. и место ее в русско-иранских отношениях того времени.

После смерти Петра I политика России, по мнению Локкарта, «утратила свой агрессивный характер», и для последующего периода характерна сдача Россией своих позиций в Иране. Причину этого Локкарт видит главным образом в «преждевременности» и «неосуществимости» восточной политики Петра, стоившей России колоссальных людских потерь⁴⁰. Такая оценка вполне соответствовала бы истине, если бы наряду с ней был дан более глубокий анализ экономических причин, следствием которых явилась восточная экспедиция Петра, и меньшее значение придавалось бы личности самого императора.

Немецкие реакционные буржуазные историки в существе толкования вопроса о русско-иранских отношениях рассматриваемого периода немногим отличаются от своих английских коллег. Например, Г. Юберсбергер еще в 1913 г. выпустил монографию «Восточная политика России в последние два столетия», первый том которой в основном посвящен XVIII столетию. Центральное место в книге занимают русско-турецкие отношения, однако Юберсбергер касается и отношений России с Ираном. Тон работы — антирусский. Политика России в Иране представлена захватнической, и истоки ее автор ведет со времени Ивана III и Ивана Грозного. Юберсбергер выделяет две стороны русских интересов в Иране: во-первых, стремление проникнуть через его территорию в Индию, и, во-вторых, стремление овладеть шелковыми богатствами самого Ирана. Теми же мотивами определялась, по его утверждению, и политика Петра I в Иране⁴¹.

Позднее, после прихода к власти фашистов в Германии, Юберсбергер становится одним из их идеологов. В выпущенной им зимой 1941—1942 гг. брошюре «Территориальное развитие и национальная политика России» Юберсбергер стремился всячески опорочить прошлое России, «доказать» ее постоянную агрессивность в отношении соседних стран, изобразить фашистскую Германию спасительницей мировой культуры и цивилизации⁴².

Французские буржуазные историки солидарны с буржуазными английскими и немецкими историками. Для примера возьмем работу Э. Дрио «Восточный вопрос», выдержавшую к 1917 г. семь изданий. Русская политика на Востоке показана в ней как наступление единым фронтом от черноморских проливов до Тихого океана. Важной составной частью ее являлось, по мнению автора, желание русских проникнуть через Иран в Индию, для чего, как он пишет, еще

Петр I организовал экспедицию Бековича-Черкасского в Среднюю Азию⁴³.

Из послевоенных работ французских историков можно упомянуть книгу реакционного историка М. Леритье «Россия». Характеризуя внешнюю политику России при Петре I, Леритье вкратце останавливается и на политике Петра по отношению к Ирану. Петровский поход в Прикаспийские области безосновательно оценивается им как своеобразный реванш за неудачу Прутского похода 1711 г. Леритье также настаивает на том, что конечной целью, которую ставил Петр в своей восточной политике, являлось проникновение в Индию⁴⁴.

Несколько слов скажем о работе известного французского востоковеда Л. Беллана «Шах Аббас, его жизнь и история». Особенностью ее является то, что Беллан использовал в основном иранские источники. Русско-иранские отношения излагаются Белланом на основании данных, почерпнутых из «Тарих-е алем ара-йе Аббаси» Искандера Мунши, что является, пожалуй, единственным примером во всей западноевропейской историографии. Упоминая о самостоятельных русских посольствах в Иран при Аббасе I (1587—1628 гг.), Беллан тем самым признает существование дипломатических и торговых отношений между Россией и Ираном в начале XVII в.⁴⁵

Переходя к иранской историографии, следует отметить большой интерес ученых Ирана к истории международных связей. Основное внимание они уделяют истории ирано-английских отношений. Причина этого кроется не только в важности и актуальности данной проблемы для Ирана, но, очевидно, и в том, что современные иранские историки находят под сильным влиянием английских историков.

Интерес к истории России в Иране появился еще в прошлом столетии. Особенно привлекала иранских историков личность и деятельность Петра I. В 1846 г. в Тегеране был издан сокращенный перевод с французского книги Вольтера о Петре. В 1956 г. известный иранский историк Мо'еззи полностью перевел и издал эту книгу.

В то же время работы советских историков в Иране мало известны и не переводятся.

Вопрос о русско-иранских отношениях в XVII — первой половине XVIII в. затронут в ряде работ иранских историков. В освещении его особенно ярко проявилось влияние западноевропейской историографии. Многие иранские историки заимствуют различные реакционные теории, в том числе и пресловутую теорию об «исконной агрессивности» России по отношению к Ирану, о стремлении России проникнуть через Иран в Индию и т. д. Достойным сожаления является тот факт, что они часто пренебрегают собственными иранскими первоисточниками и

⁴⁰ L. Lockhart. Указ. соч., стр. 250, 348, 359.

⁴¹ H. Ubersberger. Russlands Orientpolitik in den letzten zwei Hunderten. Wien, 1913, Bd. 1, S. 126.

⁴² H. Ubersberger. Russland Territorialentwicklung und Nationalitätenpolitik. Breslau, 1942.

⁴³ E. Driault. La Question d'Orient, Paris, 1917, p. 302.

⁴⁴ M. Lheritier. La Russie, Paris, 1946, p. 170.

⁴⁵ L. Bellan. Chah Abbas I, sa vie, son histoire, Paris, 1932, p. 242—245.

некритически заимствуют сведения у английских, французских и иных авторов.

Иранские нарративные источники — («Тарих-е алем ара-йе Аббаси», «Зейл-е тарих-е алем ара-йе Аббаси», «Аббас-наме» и др.) содержат материал о русско-иранских отношениях в XVII в. Однако даже такие видные иранские историки, как А. Экбаль, Р. Пазуки и другие, его совершенно не используют и при характеристике русско-иранских отношений этого периода ограничиваются некритическим пересказом версии Шардена о посольстве 1664 г. и его последствиях⁴⁶.

Более того, Пазуки, например, находит возможным заявить, что при Сефевидях «до шаха Аббаса II и шаха Сулеймана между Ираном и Россией не существовало важных связей», хотя он и признает наличие торговых связей между Ираном и Россией в этот период. Сама версия о русском посольстве 1664 г. преподносится в качестве первого, неудачного акта русской агрессии против Ирана⁴⁷. На наш взгляд, ближе к истине мнение иранского историка Х. Наваая. В своей книге «Ирано-русские экономические отношения», опубликованной в Париже в 1935 г. на французском языке, он выделяет два этапа в истории русско-иранских связей до XVIII в. По его мнению, между Ираном и Россией существовали исключительно мирные, добрососедские отношения и лишь «империалистическая политика Петра Великого» резко изменила сущность этих отношений⁴⁸. С Наваем солидаризировался другой иранский историк — Р. Сардари⁴⁹.

Интересна двухтомная монография Мо'эззи, посвященная истории международных отношений Ирана. Значительная часть ее отведена истории русско-иранских отношений. Особенностью данной работы является довольно широкое использование ее автором русских первоисточников и литературы (в частности трудов С. М. Соловьева, публикации Н. И. Веселовского). Кроме того, Мо'эззи привлек данные иранских первоисточников (например, «Аббас-наме»), а также свидетельства европейских путешественников XVII—XVIII вв. (Шардена, Ханвея, Крушинского). Сама особенность использованных источников проявляется и в структуре книги Мо'эззи. Так, он подробно описывает русско-иранские отношения в период Аббаса I, основываясь на документах, изданных Н. И. Веселовским. Русско-иранские отношения этого времени Мо'эззи характеризует как дружественные и равноправные.

В дальнейшем изложении он приводит данные иранских хроник XVIII в., подробно излагает вышеупомянутый рассказ Шарде-

на; поход Разина описывает по Шардену и С. М. Соловьеву⁵⁰.

Любопытен рассказ Мо'эззи о политических взаимоотношениях Ирана с Россией в 70-х годах XVII в. К сожалению, нет возможности установить его первоисточники по этому вопросу. Возможно, им были использованы какие-то неопубликованные персидские материалы. Мо'эззи определенно говорит о существовании в XVII в. русско-иранского договора против Турции, основываясь на котором правительство России во время русско-турецкой войны в 70-х годах XVII в. просило помощи у Ирана, но натолкнулось на нежелание правительства шаха Сулеймана (1667—1694 гг.) осложнять отношения с Турцией⁵¹.

Если в оценке русско-иранских отношений XVII в. у иранских историков существуют различные мнения, то относительно взаимоотношений России и Ирана в первой половине XVIII в. точки зрения их в основном одинаковы. Мо'эззи прямо заимствовал у английских и французских авторов теорию о стремлении России достигнуть Индии и Персидского залива через Иран, и с этой точки зрения он излагает историю русско-иранских отношений начиная с XVIII в.⁵² Пазуки и Экбаль добавляют и другие мотивы, а именно желание Петра I отомстить за оскорбление все того же злополучного посольства 1664 г.⁵³

В политике Петра I по отношению к Ирану все упомянутые иранские историки в сущности выделяют три этапа. Сначала, по их мнению, Петр, наученный горьким опытом своего отца (опять обогащенная версия Шардена) и боясь силы иранского оружия, направил в Иран с разведывательной целью И. Ори, а затем А. Вольнского, после чего нашел предлог для вторжения — ограбление русских купцов. Затем наступил второй этап — открытая интервенция России против Ирана, закончившаяся договором о разделе этой страны между Россией и Турцией⁵⁴. Наконец, третий период политики Петра в отношении Ирана — договор его с Турцией о разделе Ирана (1723 г.); как заявляет Пазуки, «только смерть Петра Великого и появление Надира на время приостановили осуществление этого плана»⁵⁵.

В заключение кратко остановимся на работе иранского историка Бина Али Акбара «Политическая и дипломатическая история Ирана». Автор использовал европейские и иранские материалы и, в отличие от Мо'эззи, совершенно не привлек русские источники, хотя первая часть его книги целиком посвящена русско-иранским отношениям начиная с 1722 г. — даты падения Сефевидского государства (в начале работы дан крат-

⁴⁶ А. Экбаль. Тарих-е мофессел-е Иран аз эстила-йе могол та энграз-е Каджарийе. Тегеран, 1941, стр. 292.

⁴⁷ Р. Пазуки. Тарих-е Иран аз могол та афшари-йе. Тегеран, 1937, стр. 382—383.

⁴⁸ H. Navai. Les relations économiques Irano-Russes, Paris, 1935, p. 14—15.

⁴⁹ R. Sardari. Un chapitre de l'histoire diplomatique de l'Iran, Paris, 1941, p. 42.

⁵⁰ Мо'эззи. Неджеф-Кули Хисам. Тарих-е равабет-е сийаси-йе Иран ба донья. Тегеран, 1946, т. 1, стр. 299—308.

⁵¹ Там же, стр. 309—310.

⁵² Там же, стр. 311—312.

⁵³ Р. Пазуки. Указ. соч., стр. 383; А. Экбаль. Указ. соч., стр. 296.

⁵⁴ Мо'эззи. Указ. соч., стр. 312—329.

⁵⁵ Р. Пазуки. Указ. соч., стр. 384.

кий обзор русско-иранских связей в XVI—XVII вв.)⁵⁶.

Всю историю отношений Ирана с Россией Бина Али Акбар делит на два периода: первый — до начала XVIII в., когда преобладали мирные, торговые отношения, а в политических связях главную роль играла вражда обеих держав к Турции, и второй — от двадцатых годов XVIII в. до 1917 г.; характерным для этого второго периода является, по словам Бина, «непрерывно растущая агрессия царской России против Ирана»⁵⁷. Бина в основном правильно оценивает политику царской России в отношении Ирана в XIX и начале XX в., хотя в то же время в его книге имеется ряд серьезных недостатков, в частности, игнорируется факт существования в XVIII в. экономических связей между Ираном и Россией, выгодных для обеих стран.

Сделаем краткие выводы:

1. Западноевропейскую историографию русско-иранских отношений можно разделить приблизительно на две части. К первой следует причислить реакционных западноевропейских и американских историков — таких, как Р. Лакост, В. Коларц, А. Вукинич, Г. Юберсбергер; из историков раннего периода — П. Сайкса и др. Сущность их взглядов на рассматриваемую проблему выражается в том, что все они стремятся всячески опорочить историческое прошлое России, выставить ее в роли извечного агрессора и исконного врага стран Востока, в том числе и Ирана. С этой целью создаются такие «теории», как миф о русской угрозе Индии через Иран, рекламируется фальшивка, известная под назва-

нием «Завещание Петра Великого». Совершенно замалчивая существование между Ираном и Россией дружественных, взаимовыгодных. экономических связей, акцентируя внимание на захватнической политике царизма, намеренно относя ее возникновение к более ранним временам, эти историки в то же время обходят молчанием колониальную деятельность западноевропейских держав на Востоке. Замалчивается и тот факт, что Иран в рассматриваемое время сам являлся захватчиком и поработителем ряда соседних народов (например, армян и грузин). Наиболее же реакционные из зарубежных историков, не ограничиваясь искажением фактов прошлого, пытаются представить миролюбивую политику Советского Союза в отношении стран Востока продолжением захватнической политики царизма.

Вторая группа историков, типичным представителем которой является Локкарт, отличается более объективным подходом к изучению данной проблемы. Вместе с тем и для этой группы характерно затемнение колониальной сущности политики западных держав на Востоке, равно как и политики Ирана в отношении соседних стран.

2. Отличительной чертой современной иранской историографии является ее зависимость в отношении фактического материала и особенно в выводах от западноевропейских историков, а также от политики правящих кругов Ирана и империалистических держав.

3. В то же время наиболее серьезные иранские исследователи взаимоотношений своей страны с Россией (Мо'еззи, Бина Али Акбар) приходят к довольно объективной характеристике агрессивной политики царской России в отношении Ирана в XVIII в., оставаясь, однако, на позициях неправильной оценки политики своего государства по отношению к соседним народам, а также политики западных держав на Востоке.

⁵⁶ Бина Али Акбар. Тарих-е сийаси ва дипломаси-йе Иран, т. 1. Тегеран, 1954, ч. 1, стр. 7—10.

⁵⁷ Там же, стр. 10—11.

